

Отже, можна по-різному оцінювати діяльність політика Є.П. Кушнарьова, ставитися до його літературно-публіцистичної творчості, однак набута протягом тривалого політичного досвіду емпірія спонукала його стати на шлях дослідницької самокорекції – внутрішнього діалогу про час і сенс, що виявив очевидну деструктивність політичної сили лідером якої він був, необхідність реконструкції її змістовного фундаменту та актуалізував потребу у виявленні власного особистісного ставлення до революції

На цьому аспекті-стадії осмислення Кушнарьов «занурюється» в філософсько-категоріальну сферу «вимірних стосунків»: міра, якість, кількість, радикальність, поступовість, реформування, еволюція. Саме еволюція, як «безперервна постійність» розвитку, реформістське оновлення (хай повільне і кількісне в межах даної якості), але без руйнування базової основи об'єкту приваблює його конструктивністю змістовного наповнення: «Вибори чи вили? Процедура чи бунт? Еволюція чи революція? Вибір.....Я був і залишаюся прихильником еволюційного шляху. Тієї еволюції як наростання і розгортання в безперервному часі однієї і тієї ж якості, протилежністю якої є революція як подія, як переривання спадкоємності та уведення в дію нового культурно-історичного часу» [4]. З одного боку, звучить як парафраз ніцшеанського заперечення проти філософського «подвоєння світу» (у цьому випадку – проти «подвоєння» революцій на її сутність і прояв останньої), але в цих думках – вільний акт сумніву, який виявляється у філософсько-політичній рефлексії: «Революційна доцільність не виправдовує грубого втручання в долі мільйонів людей» [5, с 280], оскільки «свободу можна набути тільки в розбудовчій діяльності, яка примножує суспільне надбання і аж ніяк у діяльності руйнівній» [4].

Як бачимо, онтологічну природу концепту «революція» важко досягнути. Але цей досвід триває.

Джерела інформації

1. Badiou A. Infinite Thought. Truth and the Return to Philosophy / Tr. O. Feltham and J. Clemens. L-NY: Continuum, 2003. P. 129.
2. Бузова О.К. Человек и вещь. Философское путешествие в поисках партнерства. – Х.: Право, 2015 – 336 с.
3. Ж. Делез. «Различие и повторение». — ТОО ТК «Петрополис», 1998.—384с.
4. Кушнарев Е. П. Выборы и вили. – К.: Довіра, 2007. – 272 с..
5. Кушнарьов Е. П. Конь рыжий. Записки контрреволюционера. – Харьков: Издательство «Харьков», 2005. – 280 с.
6. Пригожин И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
7. Революция как концепт и событие: монография: Вартумян А.А., Ильинская С.Г., Федорова М.М. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. –183 с.
8. Слотердаjk П. Критика цинического разума – Екатеринбург : Изд.-во Урал. Ун-та, 2001. – 584 с.

ФИЛОСОФИЯ И МИР В XXI СТОЛЕТИИ

Мищенко В.И.

*Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»
г. Харьков, Украина*

Человечество вошло в новое тысячелетие с грузом проблем, оставшихся от века минувшего. Мы далеки от решения глобальных проблем цивилизации, агрессия, жестокость и насилие ещё живут в нашем обществе и сознании, наше обществоведение мало чем не отличается от социального знания прошлого столетия. Конечно, преемственность, как

связующая нить культуры, должна быть, но вне осмысления новых проблем философия, как источник креативности и генератор идей, не в силах обрисовать перспективы развития, дать понимание происходящего. Дифференциация научного знания коснулась и философии. В современной науке продолжается как дифференциация, так и интеграция научного знания, становится всё более значимой тенденция к единому целостному, холистическому мировоззрению, о чём пишут такие учёные, как М.В. Ковальчук, О.С. Нарайкин, Е.Б. Яцишина, указывая на тот факт, что наука становится всё более «целостным системным образованием» [2, с.7]. Привыкая анализировать, деля объект на части, мы часто обнаруживаем, что объект исследования сложнее, объёмнее тех привычных рамок, с которыми мы подходим к нему. Возвышенное, например, которое традиционно считается эстетическим чувством, включает и этическую сторону. Возвышенное предстаёт перед нами, как отмечают Г.В. Платонов и А.Д. Косичев, и понятием «нравственно-духовным, ибо органически смыкается с доблестью, героизмом, с идеей величия и достоинства человека, пафосом его жизни, борьбы и творческой деятельности» [5, с. 16].

Упрощённое представление о понимании, как стремлении разложить предмет исследования на составные части, затронуло и область философии, обществоведения. Деление общества на основные сферы жизни, безусловно, дало возможность глубже проанализировать каждую из них, но отсутствие целостности, холистического мировоззрения исказило реальность. Более того, духовная сфера оказалась оторванной от других, жизненно важных сфер жизни, зачастую был предельно сужен предмет её анализа. Концентрация духовного в отдельных, специфических видах человеческой деятельности (религия, искусство, журналистика, образование, наука) привело к исчезновению духовного из решающих сфер жизни. Духовное, как рефлексия, осмысление глубинных противоречий, говоря словами Н. Бердяева – «катастроф духа человеческого» [1, с. 10], не затронуло экономику, и она стала стремиться к безудержной экономической экспансии, навязывая не свойственные человеку потребности и, как следствие, все дальше взвинчивая и без того предельные для человеческого здоровья и психики темпы экономического производства. Какие жизнеутверждающие мировоззренческие идеалы может сформировать концепция общества массового потребления? Как современное общество может с его развитой энергетикой, атомными и формирующимися термоядерными электростанцией, мощными ГЭС, автомобильными, судостроительными, авиационными концернами, космическими технологиями может существовать в «постиндустриальном обществе»? Насколько дефиниции «информационное общество», «экономика знаний» с точки зрения требований формальной логики полноты и всесторонности анализа точно передают характер объекта исследования? Не являются ли данные концепции той моделью общественного устройства, которое существует вне жизненного пространства самого человека, его потребностей, активного участия, вне самой экономики и техники?

В социальной сфере оказалось все разложенным «по полочкам»: классы, нации, касты, страты, социальные институты и социальные роли, но за гранью социального анализа атомизированного общества, построенного на приоритете индивидуализма осталось то, что делает нас людьми: чувство сопричастности к своим соплеменникам. Зачем мы изучаем социальные связи и отношения, если исследование этих связей и отношений не даёт надежды на обретение единства с человеческим родом, если довлеющими постулатами остаются тезис Томаса Гоббса о «войне всех против всех», его утверждение, о том, что «человек человеку волк»? Философский курс «Сопричастность» может быть и должен быть основой в изучении проблем социальной философии, важным направлением формирования духовной личности, поскольку именно осознание сопричастности личности к обществу формирует «обострённое чувство жизненного несовершенства», а оно, по мнению А.И. Лосева, есть основа формирования подлинной интеллигентности и настоящей духовности. В нём возможно представить весь длительный путь становления человечества от «Осевого времени», когда, как

отмечал А.П. Назарьян, ещё «в начале II тысячелетия до нашей эры не было выражения «чужая страна», «заграница», а было выражение «вражеская страна» [3, с. 5], – до формирования планетарной цивилизации, ноосферного общества. Актуальными представляются идеи о роли семьи, значении ценностей институтов материнства и отцовства.

Политическая сфера сегодня чаще предстаёт как арена борьбы различных политических сил за власть, полигон противоборства государств в достижении геополитических интересов, и в меньшей степени – как определение стратегии прорыва в будущее, развития социально ориентированного государства, научное обоснование политического менеджмента, как эффективного целедостижения в решении глобальных проблем цивилизации. Если политическая элита есть воплощение коллективного интеллекта нации, а главная роль интеллекта по мнению А.И. Субетто состоит в «управлении своим будущим» [7], элита должна стремиться к формированию стратегии достижения оптимальных моделей социального развития.

Нет гармонии и осмысленности и в самой духовной сфере. Благодаря усилиям исследователей в этой сфере, она постепенно приобретает особое звучание, символизируя в себе глубинные пласты подлинно человеческого, она уже не отождествляется с обычными информационными процессами в обществе, или психологическими состояниями личности, фиксирует в себе стремление к возвышенному, совершенному, гармоничному. Таким выражением стремления человечества к совершенству традиционно считалась культура. Н.К. Рерих отстаивал точку зрения, состоящую в том, что «Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений» [6, с. 42]. По мнению Мэтью Арнольда, отражает стремление человека к совершенству: культура ищет совершенство, позволяет выяснить, что является совершенством и сделать его преобладающим, заставляет искать его во всем человеческом опыте: в искусстве, в науке, в поэзии, в философии, в истории, а также в религии, призвана искать гармонию в совершенстве [11]. А. Швейцер считает важнейшей стороной культуры «прогресс духа» [9, с. 329].

К сожалению, в наше время культура стала обыденностью, она перестала выражать стремление к идеалу, а личность, лишённая идеалов, лишает себя возможности духовного развития. В учебниках по культурологии культура воспринимается в предельно широком смысле, как то, что создается человеком, как оппозиция природе и передается по традиции средствами языка и символов практического изучения и прямого подражательства. Культура становится синонимом определённой исторической эпохи, характеристикой конкретного общества. Не замечается, замалчивается, обходится вполне резонный вопрос: «Всё ли созданное человеком, все ли его деяния на протяжении истории есть культура?». Культура становится синонимом стандартизированных, свойственных для той или иной эпохи или конкретного общества действий, Данный подход нивелирует роль культуры для духовного развития, а порой и лишает её гуманистического смысла. Так А.Я. Флиер, в работе «Культура насилия», рассматривая культуру как «социальный опыт, обретенный человечеством или отдельным народом на протяжении его истории», на основании того положения, что насилие является «весьма распространенной формой целеориентированной и осмысленной человеческой деятельности», делает вывод о том, что «оно, безусловно, относится к перечню форм человеческой культуры» [8, с. 57].

В результате мы получаем девиации духовного: антидуховность, генерирующую ненависть и агрессию и бездуховность, как «зияющую пустоту» человеческого существования, а наше сознание заполняет так называемая «квазидуховность», о которой писали В.С. Писчиков и М.М. Холин [4], скатывание к «тотальной смысловой трансгрессии», на которую указывал М.В. Шугуров [10, с. 58], массового бездумья, и блуждания в «дебрях бесчеловечности» А. Швейцера [9, с. 51]. Мы формируем девиационную культуру в силу того, что наше представление об истории построено, на понимании истории, как истории войн, насилия и

дворцовых переворотов. Конечно, от фактов нашего противоречивого бытия в мире никуда не уйдёшь, но где История созидания цивилизации, которая бы демонстрировала торжество и победу человеческого духа, усилия людей самых разных профессий, достижения разных народов планеты? Не создав такую Историю, мы не сформируем подлинное представление о культуре, а не сформировав эти представления, не сможем формировать духовную личность.

Мы не можем говорить об истории созидания, человеческой культуре, не осознав основные этапы духовного развития человечества. На основании проведённых исследований автор выделяет этап формирования Катарсической духовности, формируемой в условиях космогенной цивилизации, направленной на освоение окружающего земного пространства и связанной с осознанием человечеством своего особого положения среди других живых существ, благоговением перед миром, которое сложилось в античности и средневековье, сформировавшим ценности космоцентризма и теоцентризма. Следующим этапом представляется Инновационная духовность, направленная на развитие личности, формирование культа человека, стремящегося к саморазвитию, Инновационная духовность формирует «понимание человека, как активного, деятельностного и творческого существа, направленного на использование объектов внешнего мира, покорение природы, борьбой за мировое пространство, ведением мировых войн и созданием оружия массового уничтожения. В условиях порождённого такой цивилизационной стратегией цивилизационного и экологического кризиса, а также кризиса духовного развития самого человека (антропогенного кризиса), связанного с фетишизацией свободы, утратой человечеством понимания свободы, как гармонии разума с миром, технологизацией мышления, ограничения способности разума быть открытым миру, а также виртуализацией, подменой жизненного мира человека в информационном сообществе, которое ошибочно воспринимается в качестве эталона и высшей стадии цивилизационного развития.

Современный этап духовного развития человечества анализируется автором, как этап интеллектуально-нравственной духовности, возникновение которого связано с цивилизационным, экологическим и антропогенным кризисом с одной стороны, а с другой – возможностями, которые открываются с формированием технотронного общества. Технотронное общество, переживающее ныне период эмбрионального развития, представляет возможность в формировании ноосферного общества, решения проблемы ресурсов и роста народонаселения на основе контролируемого технического развития, использования как конвергентных, так и геокосмических технологий, управления климатом и преобразования планеты, изменения её ландшафта, структуры почв, освоения зон подземного, стратосферного и подводного океанического обитания, управления потоками солнечной радиации, приходящими на Землю. Человечество сможет перейти к стратегии Контролируемого развития (более точно выражающую стратегию Устойчивого развития, не учитывающую роль интеллектуального управления и значения активного реагирования на вызовы; сама адаптивность и устойчивость определяется силой и точностью движения цивилизации). Оно сможет осуществить переход от планетарной – к планетарно-космической цивилизации, если современная информационная сфера будет преобразована в систему, которая не только будет формировать картину взаимодействующих механизмов и технических устройств (что лежит в основе современного состояния технотронного общества), но и постепенно оформится в виде Планетарного разума, способного формировать Эко-модель планетарных процессов, перейти к высшему этапу развития технотронного общества – цивилизации, осуществляющей Управление средой обитания. От системы, которая обеспечивает связь и коммуникацию, от «интеллектуальных тренировок» инфосферы в создании игровых устройств, она должна явиться важным инструментом цивилизационного созидания, инструментом, который может обеспечить освобождение человека от власти техники, преодоления этапа, когда человек был частью технического устройства в конвейерном производстве.

Важнейшим условием позитивного развития технотронного общества, реализации позитивного сценария развития ноосферы является обеспечение гармонии в развитии трёх важнейших компонентов: антропо-инфо-техносферы. Человеку важно обеспечить неуклонное развитие позитивного интеллекта – интеллекта, направленного на созидание, превращения нравственности в науку, о необходимости которого говорил Э.В. Ильенков, формирования новой Эко-морали, позволяющей осмыслить степень и глубину преобразования мира, масштабы сохранения прежних биоценозов на планете, новые моральные принципы общения с искусственным интеллектом, гуманоидными роботами, где мы, очевидно, не можем ограничиться тремя этическими принципами Айзенка Азимова, поскольку любая двойственная мораль будет расшифрована и может привести к катастрофическим последствиям. Возможно следует даже критически переосмыслить ту сторону категорического императива И. Канта, где выражаемое «стремление к всеобщему благоденствию» может быть основой реализации новой стратегии «покорения природы». Главная задача интеллектуально-нравственной духовности – формирование духовного облика личности, формировании духовного ядра технотронного общества – Homo Spiritus, реализующего свою свободу на основании этически сформированного разума, принципа гармонии в развитии антропо-инфо-техносферы. Интеллектуально-нравственная духовность не рождается на голом месте, она неразрывно связана с предшествующими типами духовности: формированием подлинного человеческого в катарсической духовности (преодоления инстинктов зверя) и утверждения её духа в развитии, стремлении превзойти самого себя. Вместе с тем, это и новое отношение к свободе, как гармонии духа, новое понимание техники и информационного общества, их диалектического синтеза в формировании нового мира.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969, – 269 с. // http://www.odinblago.ru/smisl_istorii.
2. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии, 2013. – № 3. – С. 3–11.
3. Назаретян А.П.. «Мораль бронзы» и «мораль стали». Загадка осевой революции. // Философские науки 2007, № 12, – С. 5–26.
4. Писчиков В.С. Квазидуховность как превращенная форма духовности /ВС Писчиков, Н.Н. Холин //Актуальные проблемы духовности: сб. наук, трудов /Криворожск. гос. пед. ун-т; отв. ред. Я.В. Шрамко. - Кривой Рог: Изд. дом, 2006. - Вып. 7. -- С. 12–22.
5. Платонов Г. В., Косичев А. Д. Проблемы духовности личности. Вестник Московского университета. 1998. № 2. С. 3–32.
6. Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М. : «Международ. Центр Рерихов», 1997. – 200 с.
7. Субетто А.И. Начала теории социального менеджмента качества (ноосферно-социальная парадигма) / Под начн. ред. Бобкова В.Н. – Спб. : «Астерион», 2012. – 284 с.
8. Флиер А.Я. Культура насилия // Новая Цивилизация. Междисциплинарный научно-практический сборник. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2007. – С. 57 – 69.
9. Швейцер Альберт. Культура и этика. / Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшановского. / Общая ред. и пред. В.А. Карпушина. М.: «Прогресс», 1973. – 344 с.
10. Шугуров М. В. Духовность и интенции свободного выбора: критический анализ современности. // Философия и современность, 2016. – № 1. – С. 56–68.
11. Connell, W.F. The educational thought and influence of Matthew Arnold / W.F. Connell. Taylor & Francis e-Library, 2002.